

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2021.3.2>

UDC 81'25
LBC 81.18

Submitted: 11.12.2020
Accepted: 30.03.2021

SITUATED COGNITION APPROACH IN TRANSLATION STUDIES: ORIGINS AND HEURISTIC POTENTIAL

Svetlana V. Serebriakova

North-Caucasus Federal University, Stavropol, Russia

Alexandra I. Milostivaya

North-Caucasus Federal University, Stavropol, Russia

Abstract. The article analyzes the explanatory possibilities of the situated cognition approach to translation study on the basis of the theoretical apparatus developed in the Viennese translation school of Professor H. Risku. The relevance of the study is determined by the appeal to the analysis of the specialized translation process in the authentic context of the functioning of the main subject in the modern translation market, i.e. a translation bureau. Incorporating the research techniques from the early stages of cognitive science development (theory of information processing based on symbol manipulation and neural networks analysis within the framework of connectionism), the approach under consideration is based on the modern concept of extended situated embodied cognition, which, as applied to translation studies, provides new arguments in favor of transition from interpretation of the interaction “human – text” to the study of multimedia communication of a subjects group in the translation networks’ composition, which have arisen as a result of outsourcing processes in the translation industry. The features of cooperative interaction between a team of translators and experts, as well as artifacts in the process of translation text generation using information technologies, are demonstrated. The practical application of the situated cognition approach to the analysis of the participants’ activities in translation cooperative networks (customer company, technical editor, translation bureau, external translation bureau, translator) is especially relevant in the context of globalization in the emerging Russian translation market.

Key words: extended cognition, situated cognition, specialized translation, cooperative text design, connectionism, translation networks, translation studies.

Citation. Serebriakova S.V., Milostivaya A.I. Situated Cognition Approach in Translation Studies: Origins and Heuristic Potential. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], 2021, vol. 20, no. 3, pp. 18-28. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2021.3.2>

УДК 81'25
ББК 81.18

Дата поступления статьи: 11.12.2020
Дата принятия статьи: 30.03.2021

СИТУАТИВНО-КОГНИТИВНЫЙ ПОДХОД В ПЕРЕВОДОВЕДЕНИИ: ИСТОКИ И ЭВРИСТИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ

Светлана Васильевна Серебрякова

Северо-Кавказский федеральный университет, г. Ставрополь, Россия

Александра Ивановна Милостивая

Северо-Кавказский федеральный университет, г. Ставрополь, Россия

Аннотация. В статье охарактеризованы эксплаторные возможности ситуативно-когнитивного подхода к изучению перевода на базе теоретического аппарата, разрабатываемого в венской переводоведческой школе профессора Х. Риску. Актуальность исследования определяется обращением к анализу процесса осуществления специального перевода в аутентичном контексте функционирования основного субъекта современного

переводческого рынка – переводческого бюро. Инкорпорируя исследовательские приемы, сформировавшиеся на ранних этапах развития когнитивизма (теории обработки информации на основе манипуляции с символами и анализа нейронных сетей в рамках коннекционизма), рассматриваемый подход базируется на современной концепции расширенной ситуативной воплощенной когниции, которая применительно к переводоведению предоставляет новые аргументы в пользу перехода от интерпретации интеракции «человек – текст» к изучению мультимедиаальной коммуникации группы субъектов в составе переводческих сетей, возникших вследствие аутсорсинговых процессов в индустрии перевода. Продемонстрированы особенности кооперативного взаимодействия команды переводчиков и экспертов, а также артефактов в процессе переводческого текстопорождения с использованием информационных технологий. Практическое применение ситуативно-когнитивного подхода к анализу деятельности участников переводческих кооперативных сетей (компания-заказчик, технический редактор, переводческое бюро, внешнее переводческое бюро, переводчик) особо релевантно в контексте глокализации формирующегося российского рынка переводов.

Ключевые слова: расширенная когниция, ситуативная когниция, специальный перевод, кооперативный дизайн текста, коннекционизм, трансляционные сети, переводоведение.

Цитирование. Серебрякова С. В., Милостивая А. И. Ситуативно-когнитивный подход в переводоведении: истоки и эвристический потенциал // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. – 2021. – Т. 20, № 3. – С. 18–28. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2021.3.2>

Введение

Современная эпистемологическая ситуация характеризуется доминированием принципа экспансионизма, что обуславливает расширение объекта исследовательской рефлексии в гуманитарных науках и, как следствие, обращение к анализу сложных систем, инкорпорирующих не только социальные процессы, но и техногенные артефакты. Основой подобного подхода в филологии является презумпция необходимости преодоления «“атомарного” изучения текстового пространства, изолированного исследования его структуры, семантики и прагматики» [Серебрякова, Милостивая, 2017, с. 50]. Данное утверждение, без сомнения, может быть экстраполировано в сферу переводоведческих штудий, где указанные выше аспекты анализа исследуемого объекта традиционно дополняются когнитивной составляющей, ибо теория перевода призвана, по словам В.А. Митягиной, описать и объяснить процесс «“перевода” мыслей из “пространства” одного языка в “границы” другого языка» [Митягина, 2017, с. 31]. Кроме того, коммуникативное действие рассматривается в современной исследовательской парадигме в качестве «инициальной основы переводческого действия» [Митягина, 2017, с. 33], что закономерно, поскольку перевод, как отмечают Б. Хатим и И. Мэсон, проходит в социальном контексте и является частью этого контекста» [Hatim, Mason, 1997, p. 121]. Таким образом, перевод традиционно характеризуется в большинстве

современных исследований конвергентной целостностью следующих аспектов: *культурного* (фокусирующего зависимость переводческой деятельности от доминирующих в обществе ценностей, традиций и идеологий), *социологического* (описывающего участников переводческой коммуникации, прежде всего переводчиков, а также их групповую кооперацию) и *когнитивного* (рассматривающего связанные с переводом ментальные процессы, в том числе принятие переводческих решений) (см., например: [Chesterman, 2006, p. 11]).

Процессы глобализации и компьютеризации вносят в описанную выше типологизацию определенные коррективы, которые связаны с распространением в переводческой индустрии такой стратегии менеджмента, как аутсорсинг [Risku, 2006, p. 16], способствующий повышению качества переводческой продукции без дополнительных расходов на оптимизацию производственной деятельности. Аутсорсинг предполагает трансфер некоторых некритичных функций другой компании или фрилансерам. Применительно к работе переводческого бюро, основного субъекта деятельности на европейском переводческом рынке, аутсорсинг выражается в передаче отдельных элементов производства переводческой продукции в компании стран переводящих языков или переводчикам-фрилансерам, а также в специальные типографские фирмы [Risku, Pein-Weber, Milošević, 2016, p. 989]. При этом возникают своего рода трансляционные сети, координируемые представителями переводческих бюро. Данное об-

стоятельство детерминирует необходимость изучения коммуникативно-когнитивных характеристик возникающего вследствие описанных процессов кооперативного дизайна текста, выполняемого и координируемого в современных условиях с использованием компьютеров и технологий «Translation Memory».

В современной когнитивистике активно разрабатывается ситуативно-когнитивный подход, согласно которому социальные институты и технические устройства рассматриваются как единый механизм генерирования когнитивной информации. Э. Хатчинс, автор теории распределенного познания, исследовал кабину авиалайнера как единую когнитивную единицу, состоящую из пилотов и различных технологических устройств [Hutchins, 1995]. Британский философ Э. Кларк иллюстрирует такое единство метафорой о человеке-киборге, вынесенной в заголовок его книги «Natural-born Cyborgs: Minds, Technologies, and the Future of Human Intelligence» (Мы – естественные киборги: разум, технологии и будущее человеческого интеллекта) [Clark, 2003], подразумевающая при этом конвергенцию машины и человека в современном познании.

Применительно к теории перевода этот подход предоставляет возможность перейти от анализа интеракции «человек – текст» к исследованию мультимедиальной коммуникации группы субъектов при поддержке информационных технологий. В современном переводе существует большое количество работ, выполненных в русле ситуативно-когнитивного подхода, однако наиболее последовательно он реализуется при изучении специального перевода в венской школе профессора Х. Риску. Цель данной статьи – исследование генезиса ситуативно-когнитивного подхода в переводе и выявление эвристической ценности основных теоретических положений, выдвигаемых данной школой.

**Эпистемологические предпосылки
возникновения
ситуативно-когнитивного подхода
к изучению перевода**

Ситуативно-когнитивный подход к изучению перевода, оформившийся в последние годы, базируется на результатах исследова-

тельской рефлексии, полученных в ходе транспозиции в пространство переводоведческих штудий концептов и исследовательских приемов, разработанных на ранних этапах развития когнитивной науки. Перевод рассматривался как:

- обработка информации (переключения кодов и манипуляции с символами);
- нейронные сети в рамках коннекционизма;
- ситуативная социокогнитивная интеракция [Risku, 2020, p. 194].

В исследованиях перевода и коммуникации второй половины XX в. отмечалось, что переводчики работают как переключатели кодов, заменяя элементы и правила в системе кодирования одного языка элементами и правилами другого [Kade, 1968; Koller, 1979; Wilss, 1992]. По мнению Х. Риску, такая модель представляется упрощенной, ибо генерирование смыслов при переводе не может быть объяснено исключительно посредством анализа реакций на стимулы и расшифровки символов. Она утрачивает свою объяснительную силу там, где используются гибкие креативные переводческие действия, которые позволяют человеку с легкостью решать транслативные задачи в условиях неполной информации или исключений из правил кодирования [Risku, 2009, S. 69]. Современное когнитивное переводоведение признает аксиоматичным тот факт, что рассматриваемый подход оставляет без внимания такие важные детерминанты переводческих решений, как индивидуальный опыт переводчика, его профессиональные навыки, тематика исходного текста, цель перевода и т. д.

Когнитивные теории, основывающиеся на анализе переключения кодов, сменил коннекционизм, сторонники которого отказались от идеи обработки символов на базе определенной строго структурированной системы правил. При этом подходе на передний план выдвигается физическая структура мозга с миллионами нейронов, образующих сети. Устойчивые соединения нейронов сохраняются и воспроизводятся в когнитивной системе. Таким образом, при утрате отдельных элементов система продолжает функционировать, ибо, по словам Х. Риску, знания не находятся в отдельных нейронах, они распределены

по всей сети – отсюда и термин «параллельная распределенная обработка» (parallel distributed processing) [Risku, 2020, p. 196]. Нейронная сеть способна подстраиваться под окружающую ее среду посредством индивидуального опыта человека, основанного на уже существующих сцеплениях нейронов. Намек на тот или иной предмет вызывает определенную ассоциацию, именуемую фреймом, скриптом, схемой или сценарием [Risku, 2009, S. 70]. Данные когнитивные структуры в новых ситуациях не конструируются, а реконструируются на основе имеющегося у человека когнитивного опыта. Тем самым коннекционизм позволяет объяснить многие когнитивные процессы, оставшиеся за рамками исследований, проводившихся в русле бихевиористской когнитивистики, однако, как считают исследователи, он ограничивается описанием ментальных особенностей индивида, не изолированных от социальной среды его жизнедеятельности [Windhager, Zenk, Risku, 2010, S. 911–912]. Х. Рискю полагает, что в переводоведении коннекционизм связан с повышенным интересом к креативности, индивидуальному опыту и ситуативному контексту переводческой деятельности [Risku, 2009, S. 79]. Он воплотился в рамках скопос-теории [Reiß, Vermeer, 1984] и теории переводческого действия [Holz-Mänttär, 1984]. Переводчики при этом не только воспроизводят функции и значения исходного текста, но и принимают решения как эксперты.

Следующим этапом развития когнитивистики стало исследование познания как социальной и ситуативной интеракции. Данный подход определяется при помощи различных терминов: «расширенная когниция» (extended cognition) [Clark, Chalmers, 1998, p. 8], «ситуативная когниция» (situated cognition) [Risku, 2009, S. 71], «социально встроенная когниция» (socially embedded cognition) [Huebner, 2013, p. 13], «ситуативная, воплощенная когниция» (situated, embodied cognition) [Risku, 2010, p. 97]. Далее в статье мы будем оперировать термином «ситуативная когниция», который является наиболее употребительным в венской переводоведческой школе. Толчком к его возникновению стал постулат Э. Клар-

ка и Д. Чалмерса: «Cognitive processes ain't (all) in the head!» [Clark, Chalmers, 1998, p. 8] (Когнитивные процессы не (все) в голове!). Тем самым указывается на возможность включения в состав когнитивных процессов телесных действий и артефактов из внешней среды. В качестве примера исследователями приводится счет как когнитивная операция, где могут быть задействованы пальцы или калькулятор [Clark, Chalmers, 1998, p. 10–11].

В рамках данного подхода познание рассматривается как ситуативное действие в комплексных физических и социальных ситуациях, а не как повторное использование уже имеющегося знания. Перевод предстает не как репродуцирование смысла, а как его генерирование в конкретной интенционально обусловленной ситуации, где переводчики не используют заранее усвоенные методики перевода, а всякий раз подтверждают их валидность в новых коммуникативных условиях. Переводчик превращается из археолога, реконструирующего укоренившиеся опробованные когнитивные схемы, в архитектора-творца. Тем самым в фокус исследовательского интереса попадает не только мозговая деятельность, но и физические характеристики коммуникантов, а также параметры окружающей среды и артефакты, релевантные для уменьшения потребности в хранении, поиске и обработке информации в мозге. Окружающая среда воспринимается, согласно концепции Х. Рискю, при этом не как источник информации или пространство локализации проблемы, а как неотъемлемый компонент принятия решения в проблемной ситуации [Risku, 2009, S. 72–73]. Таким образом, основой человеческого интеллекта является умение передавать сведения участникам коммуникативного действия и использовать внешние инструменты познания, например информационные технологии, роль которых в переводческом процессе становится специальным объектом исследования [Windhager, Zenk, Risku, 2010, S. 912]. В современном переводоведении специальный перевод как ситуативная социокогнитивная интеракция наиболее подробно и последовательно описан в трудах венской школы, основные положения которых будут охарактеризованы ниже.

**Перевод
как кооперативная деятельность
команды переводчиков и экспертов**

Ключевым моментом презентации перевода в русле ситуативно-когнитивного подхода является постулирование командного сетевого характера деятельности данного типа, что связано с уже упомянутыми нами выше процессами аутсорсинга как механизма, детерминирующего организацию современной индустрии переводов. Кроме того, в связи с усиливающейся специализацией транслируемого контента переводчикам регулярно нужно обращаться к консультативной интеракции друг с другом или связываться с другими экспертами, чтобы получить дополнительную прецизионную информацию, оптимизирующую их деятельность. При этом, как показано Х. Риску, преобладают следующие формы переводческой интеракции:

– кооперативная распределенная работа, например команды переводчиков-фрилансеров, над тематически и терминологически когерентным совместным проектом;

– совместная обработка завершеного перевода (корректурa, верификация локализации пользовательского интерфейса);

– неkontинуальные формы доступа к профессиональному опыту специалистов в смежных сферах (например, обращение к предметным экспертам, терминологам, авторам исходного текста) [Risku, 2010, p. 106].

Австрийский переводовед Э. Прунч, рассматривая возможности аппликации кооперативной модели к процессу перевода, справедливо отметил, что в данном случае «необходимо определить сферу действий и социальные роли актантов, участвующих в транскультурной коммуникации, и тем самым основные черты их взаимодействия» [Прунч, 2015, с. 180]. Далее охарактеризуем роли и функции участников переводческих кооперативных сетей.

Выполнение переводческого проекта начинается с заказа на перевод в том или ином переводческом бюро. Заказчиками выступают, как правило, *технические редакторы*, являющиеся сотрудниками *фирмы-заказчика*. Участники переводческой сети в роли заказчика несут ответственность за предоставле-

ние корректного исходного текста, сопровождаемого необходимым количеством контекстуальной информации и референциального материала. Заказчик перевода также утверждает окончательные варианты перевода и его верстки, выполняя контроль их качества. Далее заказ передается *переводчику-исполнителю*, который локализован, как правило, в стране переводящего языка. Часто данную роль выполняют фрилансеры или специалисты, которые работают в ином (внешнем) переводческом бюро, являются экспертами в определенной предметной области. Они избраны в соответствии со стратегией аутсорсинга в целях оптимизации качества и стоимости производимого продукта. Продукт их деятельности подвергается корректуре со стороны *редактора перевода* из внешнего переводческого бюро, а также из переводческого бюро-заказчика и со стороны технического редактора, работающего (в большинстве случаев) в техническом отделе компании-заказчика перевода. В исследованиях Х. Риску [Risku, 2009, S. 180] подобная кооперативная сеть схематично представлена в таблице.

При этом отмечается, что схема распределения ролей и сфер ответственности в переводческом агентстве не всегда реализуется безукоризненно, что вызвано дублированием или опущением той или иной из вышеуказанных функций. Нарушению координации совместной деятельности потенциально способствует смена сотрудников на различных этапах выполнения транслативного проекта или в ходе создания исходного текста фирмой-заказчиком. Так, в исследовании Х. Риску была проанализирована подобная ситуация при осуществлении перевода инструкции к телефонам и факсам в одном из переводческих бюро [Risku, 2009, S. 188–189]. После смены сотрудников не была актуализирована система «Translation Memoгу», результатом чего стал идентичный перевод терминов-антонимов: термины *on-hook dialing* и *off-hook* были переведены как *dialing bei aufgelegtem Hörer* (набор номера без снятия трубки). Однако при более детальном рассмотрении истории создания текста оригинала было выявлено, что проблема заключается не только в этом. Исходный текст создавался в различных филиалах фирмы-заказчика,

а следовательно, в нем возникали терминологические «несостыковки», которые в итоге были устранены посредством контакта с клиентским отделом фирмы-заказчика. В частности, при выборе эквивалента термину «contrast control» уточнялись денотативные детали и клиенту предлагалось избрать вариант перевода (*сведения о контрастности дисплея* либо *регулирование контрастности дисплея*). В результате согласования был избран третий оптимальный эквивалент трансляции данного термина, который был внесен впоследствии в систему переводческой памяти.

Описанное выше разнообразие интерактантов переводческого процесса, а также полифункциональность их деятельности выдвигают на передний план необходимость эффективного менеджмента в переводческой коммуникации, причем это, как отмечает Х. Рискю, менеджмент взаимоотношений людей, а не менеджмент текстов и терминов [Risku, 2009, S. 243]. Следовательно, в проектной деятельности переводческого бюро релевантны координативные действия, направленные на организацию работы звеньев переводческих кооперативных сетей, которые всякий раз социально и дискурсивно детерминированы.

Информационные технологии и артефакты в кооперативной переводческой деятельности

Как отмечалось нами выше, информационные технологии и другие артефакты играют важную роль в генерировании смыслов на переводящем языке, способствуя когнитивной экономии в ходе осуществления специального перевода. В современном транслативном процессе нет необходимости сохранять, искать и редактировать информацию исключительно в памяти. Для этой цели задействована сеть культурных и технологических артефактов, формирующих «своего рода внешнюю поддерживающую основу для познания (Scaffold), которая влияет на наше мышление и действия одновременно» [Windhager, Zenk, Risku, 2010, S. 912]. При этом нерелевантно, осуществляется ли перевод «в уме» или, например, с помощью артефакта «Translation Memoгу». Артефакты, используемые в процессе перевода, образуют по классификации Х. Рискю две группы: физические (телефон, факс, письма, словари, папки, ежедневники) и электронные (Интернет, банки данных, системы переводческой памяти и менеджмента), которые служат для реализации таких функ-

Распределение ролей и функций переводческих кооперативных сетей

Distribution of roles and functions of translation cooperative networks

Роли в переводческой кооперативной сети *	Функции участников акта трансляции **
Специальный отдел компании-заказчика	Инициатор Заказчик перевода Редактирование Верстка
Технический редактор	Заказчик перевода Редактирование Координатор перевода
Переводческое бюро	Координатор перевода Заказчик перевода (для переводчиков) Редактирование Верстка
Внешнее переводческое бюро	Координатор перевода Заказчик перевода (для переводчиков) Переводчик Редактирование
Переводчик	Переводчик

Примечание. * – жирным шрифтом маркирован координатор сети акторов в переводческом процессе); ** – жирным шрифтом выделена основная функция.

Note. * – the coordinator of the network of actors in the translation process is given in bold; ** – the main function is given in bold.

ций, как коммуникация между сотрудниками компании и клиентами, обработка заказов, архивация данных для использования терминологической базы в последующих переводах, менеджмент переводческого проекта [Risku, 2009, S. 148].

Далее Х. Рискю рассматривает наиболее часто используемые физические и электронные артефакты в специальном переводе. Особую роль среди инструментов рабочего места переводчика, способствующих оптимизации когнитивной деятельности и организации менеджмента переводческого проекта, занимает Интернет, ибо вся работа перемещается на экран компьютера. Интернет-форумы переводчиков теперь играют центральную роль в расширении баз данных, где компании ищут подходящих специалистов [Risku et al., 2013, p. 43]. Системы «Translation Memory», будучи неотъемлемыми компонентами кооперативной деятельности по созданию текстотранслята, используются в современных переводческих агентствах при создании больших объемов переводов, особенно когда проект координируется централизованно и согласованность избираемых терминосистем играет важную роль. Кооперативная коммуникативная интеракция снижает риск того, что решения, разработанные для другого контекста, могут не вписаться в осуществляемый перевод. Такие терминологические несостыковки могут усугубляться недостаточным справочным материалом. По наблюдениям ученых, сотрудники переводческих агентств считают системы «Translation Memory» помехой, а не помощью. Данный артефакт может способствовать повышению качества перевода и его рентабельности только при локализации программного обеспечения и пользовательского интерфейса по стандартам целевой культуры [Risku, Pircher, 2008, p. 164].

По данным ретроспективных интервью сотрудников агентств, артефакты, используемые в кооперативной переводческой деятельности, не ограничиваются только современными информационными и коммуникационными программным обеспечением и инструментами, но включают также все материальные и нематериальные объекты, которые должны ограничить хранение и обработку всей необходимой для осуществления перевода инфор-

мации исключительно в мозге. Сюда можно отнести мобильный телефон, мониторы и клавиатуру компьютера, принтер, файлы и папки, различные пособия (например, по стилистике исходного или переводящего языков или параллельные тексты) и словари, компьютерные корректоры орфографии, грамматики и стиля, которые всякий раз избираются на базе автоматизированного итеративного шаблона обработки переводимого контента. Формальные артефакты, в частности верстка, считаются важными аспектами ситуативно-когнитивной переводческой интеракции.

В рамках ситуативно-когнитивного подхода к изучению процесса трансляции особый исследовательский интерес представляет анализ материальных артефактов, служащих для визуализации специального контента из переводимых материалов. Так, в одном из реализованных в школе Х. Рискю исследовательских проектов при наблюдении за работой австрийского бюро переводов у клиентов были отмечены запросы справочных материалов (например, ранее переведенных текстов по аналогичной тематике, рисунков или фото). Описан случай, когда агентство столкнулось с большими проблемами при переводе каталога женской одежды. Переводчикам не было предоставлено никаких сопроводительных изображений, поскольку перевод осуществлялся еще до того, как была готова новая коллекция. Перевод таких выражений, как *декоративная лента* или *входящие в комплект трусики пуш-ап* без визуальной поддержки оказался чрезвычайно сложным даже для переводчика, который специализируется на изданиях из мира моды (подробно см.: [Risku, Pircher, 2008, p. 163]).

Исследовательской группой под руководством профессора Х. Рискю с 2001 по 2014 г. было проведено лонгитюдное исследование роли артефактов в кооперативной переводческой деятельности агентства, которое осуществляло перевод технических текстов на несколько целевых языков [Risku, Milosevic, Rogl, 2019]. Были выявлены следующие значительные изменения рассматриваемых явлений:

– увеличение клиентской базы, что повлекло рост количества сотрудников и, следовательно, расширение такого артефакта, как офисное пространство;

– обусловленное аутсорсинговой стратегией развития бизнеса перераспределение функций сотрудников бюро, способствовавшее повышению значимости информационных технологий в функции координации и менеджмента переводческих проектов и коммуникации с фрилансерами, специалистами по верстке и т. п.;

– внедрение цифровой коммуникации, сопровождаемое сокращением количества используемых в общении языков, поскольку вся переписка велась на английском или немецком языке; артефакт «бумажные копии текстов» изготовлялся гораздо реже, а использование переводческих технологий, включая память переводов и инструменты управления терминологией, расширилось;

– преимущественная передача заказов переводчикам, у которых есть свои веб-страницы в переводческих онлайн-сообществах, чтобы верифицировать их навыки медиаграмотности.

Таким образом, обнаруживается отчетливая тенденция к экстернализации процесса перевода посредством использования информационных технологий и артефактов, что приводит к замене «внутренней» обработки транслируемой информации в человеческом мозге взаимодействием с внешними стимулами. При таком подходе традиционный вопрос для переводоведения, в рамках которого изучается трансляция в процессуальном ракурсе: «“Was in den Köpfen von Übersetzenden vorgeht” muss komplementiert werden durch das “was in den Händen / im Computer / auf dem Arbeitstisch / in der Sprache / in den Dialogen von Übersetzenden vorgeht”» («Что происходит в голове переводчика?») дополняется следующим образом: «Что происходит в руках / в компьютере / на рабочем столе / в языке / в межличностном общении у переводчиков?») [Risku, 2009, S. 91].

Выводы

Подводя итог анализу эвристической ценности ситуативно-когнитивного подхода в версии венской переводоведческой школы, отметим его высокий экспланаторный потенциал, основанный на рассмотрении реальной коммуникативной ситуации, в которой осуще-

ствляется переводческая деятельность в современных условиях. Акцент на изучение индустрии специального перевода как неотъемлемого сегмента рынка выдвигает при этом на передний план избрание в качестве единицы исследования переводческого события, то есть, по словам А. Честермана, всего заказа на переводческий продукт – от первоначального запроса до доставки и оплаты [Chesterman, 2006, p. 13], что и было последовательно осуществлено в рамках ситуативно-когнитивного подхода.

Экстраполяция на изучение перевода модели, основанной на взаимодействии экспертов в той или иной отрасли, фрилансеров и переводческих менеджеров-координаторов проектов, актуальна в контексте формирующегося российского рынка переводов, основанного на европейских стандартах их качества и дизайна. Особая значимость концепта кооперативной переводческой сети обнаруживается в контексте доминирования глокализации (термин Х. Рискю, см.: [Risku, 2009, S. 26]), проявляющейся в тенденции к стиранию границ между филиалами переводческих компаний, возникшей вследствие глобализации и виртуализации межкультурной коммуникации, и стремлении к повышению культуры речи при оформлении текста на целевом языке, а также к адаптации текста-транслата в соответствии с локальными социокультурными особенностями.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Митягина В. А., 2017. Социопрагматическое измерение транслатологической парадигмы: коммуникативное действие в переводе // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. Т. 16, № 3. С. 30–40. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2017.3.3>.
- Прунч Э., 2015. Пути развития западного переводоведения. От языковой асимметрии к политической. М. : Р. Валент. 512 с.
- Серебрякова С. В., Милостивая А. И., 2017. Семантическая эмерджентность как переводческая проблема // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. Т. 16, № 3. С. 48–57. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2017.3.5>.
- Chesterman A., 2006. Questions in the Sociology of Translation // Translation Studies at the Interface

- of Disciplines / ed. by J. F. Duarte, A. A. Rosa, T. Seruya. Amsterdam ; Philadelphia : John Benjamins Publishing Company. P. 9–27.
- Clark A., 2003. Natural-Born Cyborgs: Minds, Technologies, and the Future of Human Intelligence. New York : Oxford University Press. 229p.
- Clark A., Chalmers D., 1998. The Extended Mind // *Analysis*. Vol. 58, № 1. P. 7–19.
- Hatim B., Mason I., 1997. The Translator as Communicator. London ; New York : Routledge. 217p.
- Holz-Mänttari J., 1984. Translatorisches Handeln. Theorie und Methode. Helsinki : Suomalainen Tiedeakat. 193 S.
- Huebner B., 2013. Socially Embedded Cognition // *Cognitive System Research*. Vol. 25–26. P. 13–18. DOI: <http://dx.doi.org/10.1016/j.cogsys.2013.03.006>.
- Hutchins E., 1995. How a Cockpit Remembers its Speeds // *Cognitive Science*. Vol. 19, № 3. P. 265–288.
- Kade O., 1968. Zufall und Gesetzmäßigkeit in der Übersetzung. Leipzig : VEB Enzyklopadie. 128 S.
- Koller W., 1979. Einführung in die Übersetzungswissenschaft. Heidelberg : Quelle & Meyer. 290 S.
- Reiß K., Vermeer H. J., 1984. Grundlegung einer allgemeinen Translationstheorie. Tübingen : Niemeyer. 253 S.
- Risku H., 2006. Cooperation and Quality Assurance in Technical Translation Projects // *Language at Work – Bridging Theory and Practice*. № 1. P. 15–19. DOI: <https://doi.org/10.7146/law.v1i1.6234>.
- Risku H., 2009. Translationsmanagement: Interkulturelle Fachkommunikation im Informationszeitalter / H. Risku. Tübingen : Gunter Narr Verlag. 276 S.
- Risku H., 2010. A Cognitive Scientific View on Technical Communication and Translation: Do Embodiment and Situatedness Really Make a Difference? // *Target*. Vol. 22, № 1. P. 94–111. DOI: [doi 10.1075/target.22.1.06ris](https://doi.org/10.1075/target.22.1.06ris).
- Risku H., 2020. Cognitive Approaches to Translation // *The Concise Encyclopedia of Applied Linguistics* / ed. by C. Chapelle. Hoboken : Wiley-Blackwell. P. 192–203. DOI: [10.1002/9781405198431.wbeal0145.pub2](https://doi.org/10.1002/9781405198431.wbeal0145.pub2).
- Risku H., Milosevic J., Rogl R., 2019. Changes in the Field of Translation Project Management: Findings of a Longitudinal Ethnographic Study. Working Paper. Wien : Soziotrans. URL: https://socotrans.univie.ac.at/fileadmin/user_upload/p_socotrans/20190613_Working_Paper_Changes_Risku_Milosevic_Rogl.pdf (date of access: 12.08.2020).
- Risku H., Pein-Weber C., Milošević J., 2016. “The Task of the Translator”: Comparing the Views of the Client and the Translator // *International Journal of Communication*. № 10. P. 989–1008.
- Risku H., Pircher R., 2008. Visual Aspects of Intercultural Technical Communication: A Cognitive Scientific and Semiotic Point of View // *Meta: Translators’ Journal*. Vol. 53, № 1. P. 154–166.
- Risku H., Rossmann N., Reichelt A., Zenk L., 2013. Translation in the Network Economy // *Tracks and Treks in Translation Studies. Selected papers from the EST Congress, Leuven 2010* / ed. by C. Way, S. Vandepitte, R. Meylaerts, M. Bartłomiejczyk. Amsterdam : John Benjamins. P. 29–48.
- Wilss W., 1992. Übersetzungsfertigkeit: Annäherungen an einen komplexen Übersetzungspraktischen Begriff. Tübingen : Gunter Narr Verlag. 249 S.
- Windhager F., Zenk L., Risku H., 2010. Netzwerkforschung in der Kognitionswissenschaft – Kognitionswissenschaft als Netzwerkforschung // *Handbuch Netzwerkforschung* / Hrsg. von C. Stegbauer. Wiesbaden : VS Verlag für Sozialwissenschaften. S. 909–918. DOI: [10.1007/978-3-531-92575-2_81](https://doi.org/10.1007/978-3-531-92575-2_81).

REFERENCES

- Mityagina V.A., 2017. Sotsiopragsmaticheskoe izmerenie translatologicheskoy paradigmy: kommunikativnoe deystvie v perevode [Socio-Pragmatic Measurement of Translatology Paradigm: Communicative Action in Translation]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2, Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], vol. 16, no. 3, pp. 30-40. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2017.3.3>.
- Prunč E., 2015. *Puti razvitiya zapadnogo perevodovedeniya. Ot yazykovoy asimmetrii k politicheskoy* [The Evolution of Translation Studies. From the Asymmetries of Languages to the Asymmetries of Power]. Moscow, R. Valent Publ. 512 p.
- Serebryakova S.V., Milostivaya A.I., 2017. Semanticheskaya emerdzhentnost kak perevodcheskaya problema [Semantic Emergence as a Translation Problem]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2, Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], vol. 16, no. 3, pp. 48-57. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2017.3.5>.
- Chesterman A., 2006. Questions in the Sociology of Translation. Duarte J.F., Rosa A.A.,

- Seruya T., eds. *Translation Studies at the Interface of Disciplines*. Amsterdam, Philadelphia, John Benjamins, pp. 9-27.
- Clark A., 2003. *Natural-Born Cyborgs: Minds, Technologies, and the Future of Human Intelligence*. New York, Oxford University Press. 229 p.
- Clark A., Calmers D., 1998. The Extended Mind. *Analysis*, vol. 58, no. 1, pp. 7-19.
- Hatim B., Mason I., 1997. *The Translator as Communicator*. London, New York, Routledge. 217 p.
- Holz-Mänttari J., 1984. *Translatorisches Handeln. Theorie und Methode*. Helsinki, Suomalainen Tiedeakat. 193 p.
- Huebner B., 2013. Socially Embedded Cognition. *Cognitive System Research*, vol. 25–26, pp. 13-18. DOI: <http://dx.doi.org/10.1016/j.cogsys.2013.03.006>.
- Hutchins E., 1995. How a Cockpit Remembers Its Speeds. *Cognitive Science*, vol. 19, no. 3, pp. 265-288.
- Kade O., 1968. *Zufall und Gesetzmäßigkeit in der Übersetzung*. Leipzig, VEB Enzyklopadie. 128 p.
- Koller W., 1979. *Einführung in die Übersetzungswissenschaft*. Heidelberg, Quelle & Meyer. 290 p.
- Reiß K., Vermeer H.J., 1984. *Grundlegung einer allgemeinen Translationstheorie*. Tübingen, Niemeyer. 253 p.
- Risku H., 2006. Cooperation and Quality Assurance in Technical Translation Projects. *Language at Work – Bridging Theory and Practice*, no. 1, pp. 15-19. DOI: <https://doi.org/10.7146/law.v1i1.6234>.
- Risku H., 2009. *Translationsmanagement: Interkulturelle Fachkommunikation im Informationszeitalter*. Tübingen, Gunter Narr Verlag. 276 p.
- Risku H., 2010. A Cognitive Scientific View on Technical Communication and Translation: Do embodiment and Situatedness Really Make a Difference? *Target*, vol. 22, no. 1, pp. 94-111. DOI: 10.1075/target.22.1.06ris.
- Risku H., 2020. Cognitive Approaches to Translation. Chapelle C., ed. *The Concise Encyclopedia of Applied Linguistics*. Hoboken, Wiley-Blackwell, pp. 192-203. DOI: 10.1002/9781405198431.wbeal0145.pub2.
- Risku H., Milosevic J., Rogl R., 2019. *Changes in the Field of Translation Project Management: Findings of a Longitudinal Ethnographic Study. Working Paper*. Wien, Soziotrans. URL: https://socotrans.univie.ac.at/fileadmin/user_upload/p_socotrans/20190613_Working_Paper_Changes_Risku_Milosevic_Rogl.pdf (accessed 12 September 2020).
- Risku H., Pein-Weber C., Milošević J., 2016. “The Task of the Translator”: Comparing the Views of the Client and the Translator. *International Journal of Communication*, no. 10, pp. 989-1008.
- Risku H., Pircher R., 2008. Visual Aspects of Intercultural Technical Communication: A Cognitive Scientific and Semiotic Point of View. *Meta: Translators’ Journal*, vol. 53, no. 1, pp. 154-166.
- Risku H., Rossmann N., Reichelt A., Zenk L., 2013. Translation in the Network Economy. Way C., Vandepitte S., Meylaerts R., Bartłomiejczyk M., eds. *Tracks and Treks in Translation Studies. Selected Papers from the EST Congress, Leuven 2010*. Amsterdam, John Benjamins, pp. 29-48.
- Wilss W., 1992. *Übersetzungsfertigkeit: Annäherungen an einen komplexen Übersetzungspraktischen Begriff*. Tübingen, Gunter Narr Verlag. 249 p.
- Windhager F., Zenk L., Risku H., 2010. Netzwerkforschung in der Kognitionswissenschaft – Kognitionswissenschaft als Netzwerkforschung. Stegbauer C., ed. *Handbuch Netzwerkforschung*. Wiesbaden, VS Verlag für Sozialwissenschaften, pp. 909-918. DOI: 10.1007/978-3-531-92575-2_81.

Information About the Authors

Svetlana V. Serebriakova, Doctor of Sciences (Philology), Professor, Head of the Department of Theory and Practice of Translation, North-Caucasus Federal University, Pushkina St, 1, 355017 Stavropol, Russia, sserebriakova@ncfu.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5743-3227>

Alexandra I. Milostivaya, Candidate of Sciences (Philology), Associate Professor, Department of Theory and Practice of Translation, North-Caucasus Federal University, Pushkina St, 1, 355017 Stavropol, Russia, amilostivaia@ncfu.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5052-2622>

Информация об авторах

Светлана Васильевна Серебрякова, доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой теории и практики перевода, Северо-Кавказский федеральный университет, ул. Пушкина, 1, 355017 г. Ставрополь, Россия, sserebriakova@ncfu.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5743-3227>

Александра Ивановна Милостивая, кандидат филологических наук, доцент кафедры теории и практики перевода, Северо-Кавказский федеральный университет, ул. Пушкина, 1, 355017 г. Ставрополь, Россия, amilostivaia@ncfu.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5052-2622>